

П. В. КУПРИЯНОВСКИЙ

К истории отношений Горького и Бальмонта*

Взаимоотношения М. Горького и К. Бальмонта почти не привлекали внимание исследователей¹. Между тем они способны пролить свет как на некоторые существенные стороны развития русской литературы, так и на творческий облик обоих писателей. Эти отношения были долгими, изменяющимися во времени и далеко не однозначными. Они могут быть в полной мере объяснены только с учетом сложных личных и исторических обстоятельств.

В литературу Бальмонт и Горький вошли практически одновременно в переломный период ее развития — в 1890-е гг. Обоих — каждого по-своему — волновали проблемы обновления искусства, поиск новых путей в жизни, преодоление плоского позитивизма и шаблонов народнической литературы. При этом на первый план выдвигались свободная личность, потребности духа. У Бальмонта, вставшего на путь символизма, искания носили индивидуалистический характер и проявились в отчужденности от общества, в устремленности к «вечному». Ранний Горький, по словам В. А. Келдыша, не избежал «индивидуалистических излишеств»², но его герой в той или иной степени социологизирован, обусловлен средой. Как и символисты, включая Бальмонта, Горький проявлял интерес к философии Ф. Ницше.

Символизм воспринимался Горьким в это время как «параллельное» художественное течение, в чем-то близкое, в чем-то отгалкивающее³.

* Впервые: Русская литература. 1998. № 2. С. 157–165.

¹ Можно отметить лишь одну специальную статью: *Сухарев Г. М.* Горький и Бальмонт: Из истории литературных связей // Учен. зап. Ивановск. пед. ин-та. 1970. Т. 73. В других случаях авторы едва касаются этой темы.

² *Келдыш В. А.* О ценностных ориентирах в творчестве М. Горького // Горький и его эпоха. М., 1995. Вып. 4. С. 11.

³ Подробнее об этом см.: *Куприяновский П. В. М.* Горький и журнал «Северный вестник» // М. Горький и его современники. Л., 1968; *Крутикова Н. Е.* В начале века: Горький и символисты. Киев, 1978.

Этим объясняется его постоянный интерес к творчеству символистов, в т. ч. и к Бальмонту, которого он особо выделял среди прочих.

7 февраля 1896 года Горький просил Е. П. Пешкову купить ему книгу Бальмонта «В безбрежности», а также Шелли в его переводе. 10 сентября того же года в «Беглых заметках», опубликованных в газете «Нижегородский листок», появился его первый отзыв о стихах Бальмонта (вкуче со стихами З. Гиппиус). Горький нашел их «непонятными, туманными, болезненными» и осудил автора за отход от действительности «за пределы предельного» (XXIII, с. 182–183)⁴.

Выражение «за пределы предельного» — название одного из разделов книги «В безбрежности» (1895). Оно передает тот основной мотив, который Горький и в дальнейшем не принимал в творчестве поэта. В последующих сборниках «Тишина» (1898) и «Горящие здания» (1900) у Бальмонта появляются новые темы, мотивы и образы. На смену сумраку, унылым жалобам, мечтательности приходят яркие краски, мажорные тона — порывы к свету, огню; появляется сильный вольнолюбивый герой, бросающий вызов тусклой обыденности. Особенно в этом отношении примечательна книга «Горящие здания», куда вошли стихи 1898–1899 гг. Она имеет подзаголовок «Лирика современной души» и по-своему отражает общественный подъем рубежа веков. На эту книгу Горький откликнулся рецензией, опубликованной в «Нижегородском листке» 14 ноября 1900 г.⁵ Указав, что к Бальмонту критика относится односторонне, преимущественно ругает, Горький подчеркнул, что он тоже подойдет к нему односторонне — будет писать не о «кинжальных словах» и неудачных стихотворениях, а только о хороших.

В качестве иллюстрации он привел целиком три стихотворения: «Альбатрос», «Кузнец» и «Воспоминание о вечере в Амстердаме». В них Горький нашел нечто созвучное себе: в «Альбатросе», как бы предваряющем его «Буревестника», — олицетворение пускай одинокого, но «сильного и гордого и вечно свободного» героя; в «Кузнице», воссоздающем образ поэта-мастера, кующего слова, — ощущение «бодрой радости ясного творчества»; в стихотворении об Амстердаме, «редком по музыке», — «мудрый лепет чистой души». Оценил Горький и философское содержание цикла «В душах есть все» и стихотворения «Сумрачные области», где речь идет о совести, о борьбе добра и зла,

⁴ Здесь и далее цитаты приводятся по изд.: *Горький М. Собр. соч.*: в 30 т. М., 1949–1955, — с указанием тома и страниц в скобках.

⁵ Одновременно Горький рецензировал здесь и книгу В. Брюсова «*Tertia vigilia*». Впоследствии эта рецензия была включена в издание: *Горький М. Несобранные литературно-критические статьи*. М., 1941.

которая «разрывает сердце человека, не позволяя ему быть духовно цельным, <...> гармонично объединять в себе весь мир».

Правда, в рецензии Горький не ограничился тем, что нашел у поэта «простые, красивые и сильные слова». Он отметил, что «размеры и общественное значение его таланта трудно понять ввиду крайней туманности мышления Бальмонта и странного, быть может искусственного, стремления к символизации». Основной пафос рецензии был полемически направлен против «литературных будочников», охраняющих «традиции», однако не способных понять прекрасное. Сопоставляя поэзию Бальмонта и Брюсова, Горький подчеркивал их «духовное родство», хотя считал, что Бальмонт более талантлив, чем Брюсов, и стоит «во главе наших символистов».

Интерес Горького к символистам, необычность его романтизированных героев, стилистическая экспрессивность не остались незамеченными критикой тех лет. Его даже причисляли к декадентам. В «Книжках “Недели”» о героине рассказа «Мальва», напечатанном в «Северном вестнике», где сотрудничал и Бальмонт, писали как о декадентке из народа: «...как у всех декадентских красавиц, у Мальвы — зеленые глаза, и она также себя сравнивает с облюбованной декадентами птицей чайкой»⁶. Здесь, возможно, сделан намек на популярное, ставшее романсом стихотворение Бальмонта «Чайка» (а также на пьесу Чехова «Чайка», в которой выведен поэт-декадент Треплев). Позднее С. А. Венгеров писал, имея в виду творчество Горького и Бальмонта конца 1890-х — начала 1900-х гг., что «общественник и марксист» Горький и «индивидуалист и символист» Бальмонт являются «братьями по духу»⁷. Их действительно объединяли романтические искания.

Рубеж XIX–XX вв. отмечен оживлением общественной жизни в России, что отразилось на творчестве Горького и Бальмонта и способствовало их сближению. Оба они в это время пользуются огромной популярностью. По словам Брюсова, Бальмонт «царил над русской поэзией», но слава его была больше в элитарных кругах, чем в демократических. Слава же Горького стала массовой и вышла далеко за пределы родной страны. В 1900–1901 гг. они иногда встречаются заочно, в частности на страницах демократического журнала «Жизнь». Бальмонт, увлеченный творчеством Горького, посвящает ему три стихотворения («Ведьма», «Родник», «Придорожные травы»), помещенные в шестом номере «Жизни» за 1900 г. В этом Горький увидел похвалу себе. Особенно ему понравилась «Ведьма», и о возникшем

⁶ Книжки «Недели». 1897. № 12. С. 222.

⁷ Русская литература XX века / Под ред. С. А. Венгерова. М., 1914. С. 6.

чувстве благодарности к поэту он сообщил И. Бунину, который знал Бальмонта лично⁸. Тогда же Горький назвал Бальмонта «гениальным виртуозом формы»⁹.

В это время Бальмонт не только посвящал Горькому стихи, но и писал о нем в своих обзорах русской литературы для английского журнала «The Athenaeum». В них он едва ли не первым представил Горького англоязычному читателю как примечательное литературное явление России. Он отметил «интересную повесть» «Мальва», кратко охарактеризовал особенности художественного мира писателя и отметил, что тот заслуживает специальной статьи. Вслед за Л. Толстым, главенствующим в современной русской литературе, Бальмонт выдвинул на первый план Горького и символистов¹⁰.

Небезынтересно отметить и другой заочный «контакт» писателей. 4 марта 1901 г. и Бальмонт и Горький участвовали в студенческой демонстрации в Петербурге у Казанского собора. Оба они протестовали против расправы властей со студентами. Оба преследовались за антиправительственные выступления.

Личное знакомство писателей произошло в ноябре 1901 г. Бальмонт, высланный из Петербурга без права проживать в столичных и университетских городах (поводом послужило стихотворение «Маленький султан»), приехал в Крым и навестил Горького в Олеше. Затем они вместе с Чеховым 14 ноября посетили в Гаспре Л. Н. Толстого. После этого Горький сообщил редактору «Жизни» В. А. Поссе: «Познакомился с Бальмонтом. Дьявольски интересен и талантлив этот нейрастеник! Настраиваю его на демократический лад» (XXVIII, с. 199).

Встреча произвела большое впечатление и на Бальмонта. 21 декабря 1901 г. он послал Горькому письмо и приложил к нему стихотворение-посвящение «Горькому». В письме, в частности, говорилось о том, что эта встреча стала для Бальмонта большим приобретением — он приобрел в лице Горького человека, расположенного к нему, а беседы с ним позволили «в самом себе понять многое, что было под грузом мусора». Поэт признавался, что ему «трудно освободиться сразу — и от ложного, и от темного, и от своей склонности к безумию»¹¹, хотя разговоры с Горьким подталкивают его к этому.

⁸ См. об этом: Горьковские чтения. М., 1961. С. 14.

⁹ Горький на родине. Горький, 1937. С. 294–295.

¹⁰ См. об этом: Ильев С. П. 1) К. Д. Бальмонт — обозреватель русской литературы конца XIX века // А. Блок и основные тенденции развития русской литературы начала XX века. Блоковский сб. VII. Тарту, 1988; 2) Русская литература 1898–1899 годов в обзоре Константина Бальмонта // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века. Иваново, 1993.

¹¹ См.: М. Горький: Материалы и исследования. Л., 1934. Т. 1. С. 192.

Думается, что разговор о «темном» и «безумном» возник в связи с поэмой Бальмонта «Художник-Дьявол». Познакомившись с публикацией ее первых глав в «Ежемесячных сочинениях» (1900. № 1–3), Горький писал Брюсову 11 июля 1901 г.: «Бальмонт! Вам нравится его демонизм в книге сатурналий? Мне — противно. Все это выдумал он, все это он напустил на себя. “Людишки — мошки”. Врет он. Людишки — несчастны не менее его, и — что, если они более его заслуживают внимания и уважения» (XXVIII, с. 153). Скорее всего, это мнение Горький, не принявший имморализм в поэме, высказал и лично Бальмонту. По-видимому, Бальмонту пришлось в чем-то согласиться, над чем-то задуматься — об этом со всей очевидностью свидетельствует содержание его письма. В целом Горький произвел на поэта большое впечатление. 10 мая 1902 г. он писал Чехову: «Я думаю, например, что Горького именно за то любят (и я его за то же люблю), что законченная сильная личность, что он певчая птица, зверь, не чернильная душа, писатель, а не литератор»¹².

При этом Бальмонт осознавал, что они с Горьким и как люди, и как художники сильно отличаются друг от друга. Об этом со всей определенностью свидетельствует стихотворение «Горькому», построенное на контрастных сопоставлениях. Бальмонт сочувствует социальной направленности творчества Горького, но остается самим собой, в своем особом поэтическом мире: «Сильный! Ты пришел со дна», «Мир твой — яростный протест», «светлый мир мой — вышина, Тишь забвенья <...> чары мая» и т. д.¹³

И все-таки, несмотря на контрасты, в жизни и в творчестве писателей возникали точки пересечения. Так, например, сборник стихов Бальмонта «Будем как солнце» Горький считал лучшим из всего им написанного, эту книгу он называл «прекрасной» (XXX, с. 87). Здесь есть стихотворение «В домах», посвященное Горькому и имеющее обличительную антимеркантистскую направленность. Как и Бальмонта, Горького привлекали люди «с солнцем в крови»¹⁴. Лирический герой книги «Будем как солнце» подобен человеку-титану, вбирающему в себя соки земли и лучи солнца, утверждающему радость жизни и зовущему следовать его примеру. В этом значении он безусловно несет в себе черты ницшеанского сверхчеловека. Таким образом, лирического героя Бальмонта в «Будем как солнце» и романтического героя Горького объединяет идея раскрепощения личности, активное отношение к жизни.

¹² Цит. по: Орлов В. Н. Примечания // Бальмонт К. Д. Стихотворения. Л., 1969. С. 628.

¹³ Бальмонт К. Д. Стихотворения. С. 471.

¹⁴ Подробнее о «солярной» теме в творчестве Горького и Бальмонта см.: Долгополов Л. Максим Горький и проблема «детей Солнца» (1900-е годы) // Долгополов Л. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX века. Л., 1985. С. 57–90.

Удалось ли Горькому настроить Бальмонта на демократический лад? Оказал ли он влияние на поэта? Цитированное письмо Бальмонта дает основание говорить об этом. То же подтверждается и их последующим сближением. В 1902 г. Горький привлекает поэта к участию в издательстве «Знание», для которого Бальмонт подготовил трехтомник сочинений Шелли (1903–1907). В этом же издательстве в 1906 г. выходит в свет его сборник «Стихотворения», сразу же конфискованный за революционное содержание¹⁵. В дни революции 1905 года при посредничестве Горького Бальмонт печатает стихи в большевистской газете «Новая жизнь». Горький защищает «чистый восторг поэта», искренне увлеченного революцией¹⁶, от «мещан», которые не способны его понять, в статье «По поводу», опубликованной в «Новой жизни» 16 ноября 1905 г.

Однако стоит ли революционные стихи Бальмонта (которые не всегда достойны его таланта) и участие в октябрьских событиях 1905 г. в Москве приписывать только влиянию Горького, его «демократической обработке» поэта? Еще будучи гимназистом в родной Шуге, он участвовал в противоправительственном кружке, за что попал в исключение из гимназии. Впоследствии за участие в студенческих беспорядках был арестован и выслан на родину. Пережив в самом начале 1890-х духовный кризис, Бальмонт стал искать путь изменения жизни посредством искусства и религии. Однако, по его собственному признанию, «мысль о всеобщем человеческом счастье на земле» никогда не покидала его. Он всегда отстаивал личную свободу, свободу слова и творчества и не выносил посягательств на гражданское достоинство и права человека. Так что совсем не случайно в период 1901–1905 гг. он шел навстречу Горькому. При этом его революционность была особого свойства — он считал себя «революционером духа», а не политическим борцом. Бальмонт не был связан в отличие от Горького с определенной партией или какой-либо программой. Характерно, что его «глубоко возмутил» первый номер газеты «Новая жизнь», а статью Горького в нем «Заметки о мещанстве» поэт расценил как «отвратительное и бездарное хулиганство»¹⁷. Угроза преследования вынудила Бальмонта эмигрировать в январе 1906 г. во Францию. Там в 1907 г. он выпустил антимонархическую книгу «Песни мстителя», сразу же запрещенную

¹⁵ См. об этом: Личная библиотека А. М. Горького в Москве. М., 1981. Кн. 1. С. 170.

¹⁶ Подробнее о Бальмонте в 1905 г. см. во вступительной статье А. А. Нинова к публикации переписки Брюсова с Бальмонтом: Лит. наследство. 1991. Т. 98. Кн. 1. С. 66–67.

¹⁷ См. письмо Бальмонта к поэтессе Л. Н. Вилькиной от 5 ноября 1905 г. (Лит. архив. М.; Л., 1960. Вып. 5. С. 143).

в России. Многие стихотворения этой книги, в том числе известное «Наш царь» с пророческими словами в адрес Николая II: «Кто начал царствовать — Ходынккой, Тот кончит — встав на эшафот» — были впервые опубликованы в парижском антиправительственном журнале А. В. Амфитеатрова «Красное знамя». Там же некоторое время публиковался и Горький. В письме к редактору 13 августа 1906 г. Бальмонт отозвался о нем весьма неодобительно: «Другие сотрудники у *compri notr grand M. Gorky* очень плохи [*нрзб*] Алексея Максимовича чудовищны»¹⁸.

Живя за границей, Бальмонт целиком отдался творчеству и путешествиям, и его контакты с Горьким фактически прекратились. Если в 1890-е и в начале 1900-х гг. сосуществование Горького и символистов в рамках одних изданий еще было возможным, то после 1905 г. произошло окончательное размежевание литературных направлений и течений. Со страниц символистских изданий был провозглашен «конец Горького». В этом походе против писателя Бальмонт не участвовал, т. к. вообще был далек от литературной борьбы в России. Отзывы Горького о символизме и символистах в этот период также носили исключительно негативный характер. Бальмонтом он иногда интересовался, например, запрашивал у К. П. Пятницкого книгу поэта «Зовы древности» (XXIX, с. 71). В письмах к начинающим поэтам П. Х. Максиму (XXIX, с. 175), Г. А. Вяткину (XXIX, с. 291), Д. Н. Семеновскому (XXIX, с. 304), называя Бальмонта талантливым и даже большим поэтом, Горький предостерегал от его влияния, не советовал им «увлекаться», считая его «рабом слов». Совсем иначе он думал в 1905 г., когда предлагал А. Е. Добровольскому читать не только классиков, но и «новых поэтов, например, Бальмонта»: «он декадент, но великолепно знает язык» (XXV, с. 371).

В 1915–1916 гг. Горький в ответ на шовинистические настроения, вызванные Первой Мировой войной, организовал издание сборников литератур народов, населяющих Россию. Бальмонта он привлек к работе над переводами для сборника литовской литературы. Это единственный известный нам литературный контакт писателей между двумя революциями.

В 1920-е гг. отношения Бальмонта и Горького изменились в корне. Как известно, Октябрьская революция и гражданская война привели к разделению единой русской литературы на советскую и эмигрантскую. Отношения между писателями в значительной степени определялись их политическими взглядами, что наложило отпечаток и на суждения Горького и Бальмонта друг о друге. Это ярко прояви-

¹⁸ Цит. по: *Бальмонт К. Д.* Где мой дом. М., 1992. С. 405.

лось в двух текстах: стихотворении Бальмонта «Открытое письмо Максиму Горькому» и письме Горького о Бальмонте Ромену Роллану от 20 марта 1928 г.

По словам Бальмонта, в 1920 г. (очевидно, незадолго до отъезда за границу) у него состоялось последнее свидание с Горьким, во время которого он поблагодарил писателя за спасение людей от расстрела. Тогда Бальмонт еще чит Горького начала века, ему была близка и позиция писателя в «Новой жизни» 1917–1918 гг. Позднее он стал воспринимать Горького только как «служителя большевиков»¹⁹.

В 1922 году в парижской газете «Последние новости» Бальмонт опубликовал сонет под названием «Открытое письмо Максиму Горькому», где, в частности, писал:

Ты бросил камень в лик Родимого Народа.
Предательски твоя преступная рука
Слагает свой же грех на плечи мужика.
Твои приспешники подрыли камни свода²⁰.

Что послужило поводом для написания этого стихотворения? Мы полагаем, брошюра Горького «О русском крестьянстве», вышедшая в 1922 г. в берлинском издательстве И. П. Ладыжникова.

Горький, как и Бальмонт, находился в это время за границей фактически на положении эмигранта, правда, он всегда подчеркнуто дистанцировался от антисоветски настроенных литераторов. Груз увиденного и пережитого во время революции его давил, будущее России казалось мрачным. Все это отразилось на содержании заметок «О русском крестьянстве». Корень всех бед России Горький усматривал прежде всего в консервативной психологии русского крестьянства. Писатель развивал свою старую идею о «двух душах» русского человека с преобладанием в нем косного, темного, пассивного восточного начала. Здесь сказалось традиционное для Горького негативное отношение к крестьянству, в русском мужике он видел лишь эгоизм, дикость и жестокость, которые с особой силой проявились во время революции и гражданской войны.

¹⁹ Бальмонт К. Д. Мещанин Пешков. По псевдониму: Горький // Сегодня (Рига). 1928. 1 апр. № 88. По-видимому, в первые послеоктябрьские годы Горький не без сочувствия относился к Бальмонту: он поддержал в 1920 г. его просьбу об издании избранных стихов в издательстве З. Гржебина и привлек А. Блока к их редактированию (Блок А. Записные книжки. М., 1965. С. 492). Издание не состоялось. Подробнее об этом см.: Донгаров Р. Б. Блок — редактор Бальмонта // Блоковский сб. Тарту, 1972. Вып. II. С. 416–423.

²⁰ Цит. по: Бальмонт К. Д. Где мой дом. С. 26.

Бальмонта это возмутило, и он обратился к Горькому с открытым стихотворным посланием. Поэт жил верой в Россию. Причину бед в отличие от Горького Бальмонт видел в самой революции, в большевиках, которые ее совершили, и в тех, кто вольно или невольно им помогал. Нужно заметить, что утрата родины необычайно обострила в Бальмонте национальное чувство. Русская тема, ранее мало занимавшая поэта, теперь, в эмиграции, стала ведущей. Он как бы заново осознал, что он русский, не уставал повторять: «Я русский, я русский, я рыжий...» Стихи и проза Бальмонта этого периода наполнены ностальгией по России. Вот почему он считает, что те, кто совершил революцию, «подрыли» фундамент России, ими «растоптана свобода», они «палачи», а Горький их «приспешник», он вознес их «хвалой», возложил «венец» на деяния «опричников Сатаны», использовал свой «дар священный», чтобы хлестать кнутом родной народ. Сонет заканчивается обращением к автору брошюры «О русском крестьянстве»:

Ты переметный дух. Поступок твой — бесчестен.
И кто в тебе сильней: слепец иль просто лжец?

Характеристика Горького в этом сонете безусловно субъективна, не учитывает противоречивый характер его переживаний и конкретные житейские обстоятельства. Здесь выражена непосредственная реакция поэта как на брошюру «О русском крестьянстве», так и на симпатии Горького к правителям советской России.

Трудно сказать, знал ли Горький об этом стихотворении (скорее всего, да, т. к. «Последние новости» были самой распространенной газетой русского зарубежья), и естественно, нам не известна реакция писателя на него. Однако своеобразным ответом Горького на бальмонтовский сонет, возможно, является его письмо Ромену Роллану от 22 марта 1928 г., целиком посвященное разоблачению Бальмонта и как поэта, и как человека.

Это письмо — результат включения Горького в полемику, которая возникла в начале 1928 г. между Роменом Ролланом, с одной стороны, и Бальмонтом и Буниным, с другой. Поводом для этой полемики послужило письмо-обращение «Писателям мира» (напечатанное в «Последних новостях» 10 июля 1927 г.). В нем говорилось о несвободе писателей в советской России, о цензурном гнете, репрессиях и вообще о тяжелых условиях жизни и творчества. Опираясь на содержание этого письма, Бальмонт и Бунин 12 января 1928 г. во французской газете «Авенир» напечатали открытое письмо к Ромену Роллану, рассчитывая на его поддержку. Роллан откликнулся в февральском номере журнала «Европа». Ему ответил Бальмонт — теперь уже один, без Бунина.

Он обвинял советский режим в гибели Есенина, Блока, Гумилева, жены «гениального поэта» Ф. Сологуба А. Н. Чеботаревской, которая покончила с собой. Дискуссия приобрела политический характер, вышла за пределы литературы. Вадим Крейд описал суть этой дискуссии следующим образом: «При современном падении духовности, пишет Бальмонт, даже самые достойные европейцы одержимы нравственным недугом <...>. Роллан уверял, что знает обо “всей безмерной сумме скорбей”, выпавших на долю русской революции. “Речь совсем не о скорбях идет, — писал в ответ Бальмонт, — а о преступлениях, о бессмысленном нагромождении ни для кого и ни для чего не нужных злодеяний”. Роллан утверждал, что сущность современной эпохи — это дуэль между революционной Россией и мировыми державами. “Отнюдь нет, — говорит Бальмонт, — это дуэль между деспотическим коммунизмом, желающим править всем миром, и человеческой цивилизацией, основанной на свободе личности”. Роллан в своем ответе Бальмонту и Бунину ссылался на восторженные свидетельства путешественников, европейцев и американцев, в советскую Россию. И вот ответ Бальмонта: “Вообразить, что такое сложное явление, как русская душа и русский народ, могут уразуметь случайные путешественники в случайное, короткое и поддельное, подтасованное показательными зрелищами путешествие, — это по меньшей мере наивное утверждение. Уж позвольте нам, русским, понимать русский народ и русскую душу лучше, чем все европейские и американские путешественники <...>. Россия идет назад — очень назад... и идет по заколдованному кругу”...»²¹.

Полемику с Бальмонтом и Буниным Роллан назвал «вежливой»²². И так как у него возникло сомнение в правильности своей позиции, Роллан обратился к Горькому с вопросом, правда ли, что в Советском Союзе писателей угнетают. Ответ Горького, как замечает Н. Берберова, мог вполне успокоить французского писателя, так как он сообщил, что письмо «Писателям мира» фальшивка, а литература в Советском Союзе процветает²³. Теперь, когда вышла в свет книга «М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936)» (М., 1996), можно полнее представить себе весь комплекс вопросов, вокруг которых шел спор, но это увело бы в сторону от темы настоящей статьи.

Посвящая Горького в ход полемики, Роллан переслал ему также письмо Бальмонта. Ознакомившись с ним, Горький писал о Бальмонте

²¹ Крейд В. Бальмонт в эмиграции // Бальмонт К. Д. Где мой дом. С. 12–13.

²² См.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М., 1959. Т. 3. С. 586.

²³ Цит. по: Берберова Н. Курсив мой // Серебряный век: Мемуары. М., 1990. С. 507–513.

в двух письмах к Роллану, датированных 22 и 23 марта 1928 г. и отправленных, по-видимому, одновременно. В письме от 23 марта он сообщал: «Я посылаю Вам возражение на письмо Бальмонта. Если Вы найдете это возражение достаточно важным и уместным, может быть, Вы его опубликуете? Разумеется, я на этом не настаиваю. Но мне не хочется, чтоб Бунин, Бальмонт и другие несчастные люди, уже совершенно оторвавшиеся от своего народа, от России, втягивали Вас в сферу своего болезненного озлобления, тревожили Вас “протестами” и т. д.» (XXX, с. 87–88). В письме от 3 апреля 1928 г. Горький называет свое письмо от 22 марта «характеристикой» Бальмонта, знакомящей Роллана с его, горьковским, представлением об этом человеке. «Я сказал меньше, чем мог бы сказать» (XXX, с. 90–91), — замечает он при этом.

Итак, письмо от 22 марта 1928 г. — письмо-характеристика (XXX, с. 83–86). Оно написано несомненно с целью дискредитировать Бальмонта с общественной, нравственной и эстетической точек зрения. Горький уверяет здесь, что Бальмонт — лжереволюционер, был революционером «из моды», «из снобизма», из желания «стоять на виду», наконец, «от скуки». Бальмонт — лицемер: в 1919–1920 гг. он написал цикл стихотворений «Серп и Молот», где «громко прославлял большевиков, коммунизм и выражал восторг по поводу победы рабочего класса...» Но, оказывается, делал он это для того, чтобы убежать за границу, где тут же провозгласил себя врагом большевизма и советского строя. Из-за этого факта, по версии Горького, было отказано в выезде за границу Блоку и Сологубу. Бальмонт плохой поэт; когда-то был хорошим, а сейчас у него «осталась только привычка выдумывать и лгать». Таким образом, перед лицом Роллана Горький изобличает Бальмонта-лжеца.

Можно было бы привести и другие нелестные характеристики Бальмонта, имеющиеся в этом длинном письме. Общий вывод в нем таков: Бальмонт — клеветник, враг своего народа, он бесчестен, «отравлен своей злобой». К тому же «человек неумный и, как алкоголик, не совсем нормальный» (XXX, с. 87), — это уже из другого письма Роллану от 23 марта.

Что касается письма от 22 марта, то оно было рассчитано не только на Ромена Роллана. Горький надеялся, что тот опубликует его во французской прессе. Однако Роллан нашел, что Горький говорит о Бальмонте «жестoko» (XXX, с. 91), и не стал отдавать письмо в печать. Оно действительно производит впечатление личного выпада, и это не мог не почувствовать Роллан.

Некоторые из этих выпадов противоречат более ранним суждениям самого Горького о Бальмонте. Отношение поэта к революции

Горький расценивал тогда совсем по-другому, находил искренним, одобрял его революционные стихи, способствовал их публикации, в т. ч. и отдельной книгой в издательстве «Знание». В статье «По поводу» он защищал Бальмонта от всяческих обвинений и нападок. Версия Горького о том, что из-за Бальмонта в выезде за границу отказали Блоку и Сологубу, также не подтверждается²⁴. Недостоверны и некоторые другие горьковские высказывания. Так, например, у Бальмонта нет цикла «Серп и Молот», но есть сборник стихов «Песня рабочего молота», который вышел в свет в 1922 г., т. е. спустя два года после отъезда поэта во Францию. В этом сборнике прославляются не большевики и коммунизм, а труд рабочего и крестьянина (стихотворение «Слава крестьянину»), выражается сочувствие им. В нем собраны тексты, начиная со стихотворения 1899 г. «Кузнец», которое Горький хвалил в рецензии 1900 г. на сборник «Горящие здания». Вообще в книге преобладают стихи, написанные в 1905 г. или как отклик на Февральскую революцию 1917 г. Никакого обмана в отъезде за границу со стороны Бальмонта не было²⁵. Можно обнаружить и другие несоответствия в обвинениях Горького.

Комментаторы письма к Ромену Роллану в 30-томном собрании сочинений Горького, в соответствии с идеологическими установками того времени, связали позицию Бальмонта с «клеветнической кампанией против Советского Союза, разгоревшейся в белогвардейской печати в начале 1928 года» (XXX, с. 471), и этим ограничились. Да, Бальмонт не принимал установившийся в России режим, видел пагубные последствия большевистской революции. В то время как Горький в начале 1928-го уже принял решение о возвращении в СССР²⁶ и потому целиком оправдывал все, что делалось его партийным руководством. В конце письма он обещал когда-нибудь рассказать Роллану о той части «революционной» интеллигенции, «которая во главе с Лениным, преодолев русский анархизм, ныне организует в России волю к жизни, волю к труду и творчеству» (XXX, с. 86).

Чем объяснить «жестокий», по мнению Роллана, тон горьковской характеристики Бальмонта? Только ли различием политических позиций? Если бы это было так, то Горький должен был обрушить свой полемический пыл и на Бунина, но его он оставил в покое. По-видимому,

²⁴ См. об этом: М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916–1936). М., 1996. С. 413 (примеч. 19).

²⁵ Это со всей очевидностью вытекает из его писем к жене Е. А. Бальмонт от 21 и 26 июня 1920 г. (РГАЛИ. Ф. 57. Оп. 1. Ед. хр. 145). Письмо от 26 июня 1920 г. заканчивалось словами: «Я вернусь». Но обстоятельства сложились так, что возвращаться было уже нельзя.

²⁶ См. об этом: *Спиридонова Л. М.* Горький: Диалог с историей. М., 1994. (гл. III).

тут была личная причина. Вероятно, горьковское письмо-характеристика — это запоздалый ответ на сонет Бальмонта «Открытое письмо Максиму Горькому».

23 марта 1928 г. к 60-летию Горького Бальмонт написал статью под названием «Мещанин Пешков. По псевдониму: Горький», которая была напечатана в рижской газете «Сегодня»²⁷. О ее содержании и тоне можно судить уже по фельетонно-памфлетному заголовку. Мы не будем анализировать эту статью, отметим только, что одной из побудительных причин к ее написанию явилась публикация в мартовском номере журнала «Европа» (в извлечениях опубликовано также в «Правде» 23 марта 1928 г.) горьковского «Ответа Ромену Роллану» — письма от 29 января 1928 г., в котором говорилось об успехах литературы в советской России. Бальмонт полемизировал с Горьким, приводил свои аргументы, правда тоже не всегда объективные и доказательные. Однако сейчас нет надобности останавливаться на этом, поскольку целью статьи было лишь прокомментировать два текста — сонет Бальмонта «Открытое письмо Максиму Горькому» и горьковское письмо-характеристику Бальмонта. Для обоих текстов показательны полемические крайности, когда во взаимоотношениях между писателями на первый план выходили политические пристрастия, а политика, вторгаясь в мир художника, искажала его.

²⁷ Сегодня. 1928. 1 апр. № 88. Кроме этой статьи в газете «Сегодня» были опубликованы и другие материалы, относящиеся к рассматриваемой теме: «Ответ Ромена Роллана Бальмонту и Бунину» (№ 52) и «Новое письмо К. Д. Бальмонта Ромену Роллану» (№ 78).